

Николай Златовратский

Авраам

Николай Николаевич Златовратский

Авраам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=631115

*Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей 60–70-х годов XIX
века : Современник; М.: 1986*

Аннотация

«Лето я провел в одной деревеньке, верстах в двадцати от губернского города, значит – «на даче», как говорят в провинции, хотя вся дача моя заключалась в светелке, нанятой за три рубля во все лето у крестьянина Аврама....»

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Николай Николаевич Златовратский Авраам

* * *

Лето я провел в одной деревеньке, верстах в двадцати от губернского города, значит – «на даче», как говорят в провинции, хотя вся дача моя заключалась в светелке, нанятой за три рубля во все лето у крестьянина Аврама.

Абрам был мужик лет шестидесяти с лишком, высокого роста, довольно плотный, с широкою, сивою бородой и большими глазами, смотревшими из-под навеса седых бровей. Вообще, несмотря на лета, он очень сохранился; в нем не замечалось старческой дряхлости, но сам он, заметно, желал казаться дряхлее, изредка покряхтывая, пощупывая свою поясницу и горбясь более, чем, может быть, следовало. К такому невинному «остариванию себя», если можно так выразиться, он стал прибегать с тех пор, как вырастил и пристроил сыновей и почувствовал, что страда крестьянской жизни, которую он тянул в продолжение полувека, как будто отлегла от него. Он вступил уже в число «стариков», в

этот ареопаг крестьянского мира¹. Не кряхтеть и не горбиться было нельзя, это требовалось для поддержания неотъемлемо принадлежащих этому званию прав: права сидения под вечер на завальне у общинной житницы, среди седовласых сверстников в нахлобученных по уши шляпах-гречневиках, права неторопливых и солидных рассуждений на темы, что «без бога ни до порога», что «обычай блюди», что «старики на душу греха брать не станут» и т. п., наконец, права выпивания с подобающею важностью штрафной косушки, с приличными насчет штрафованного изречениями. Этого, впрочем, показалось Авраму недостаточно; ему хотелось закрепить за собой право не только на звание «старика» просто, но еще и «благomyсленного старика», носителя и хранителя старозаветных «дедовских» преданий, исконной морали и обычного культа. Вот почему, отделив младшего сына, выдав замуж дочерей и приведя, таким образом, согласно вековым традициям, к вожделенному концу все, что требуется по идеалу обстоятельного крестьянства, Аврам сказал детям: «Ну, родные, потрудился я для вас довольно; теперь надо мне и для своей души потщиться, сколь моей силы хватит.

¹ Даже в пореформенную эпоху продолжали существовать «советы стариков». Хотя они и не были оформлены законом, регулирующим крестьянское самоуправление, но и, не признанные официально, продолжали оказывать влияние на внутреннюю жизнь общины, осуществляя контроль за деятельностью старост, суд по нормам обычного права и т. п. В состав этого «ареопага» попадали обычно люди трезвого ума, большого жизненного опыта, высокой нравственности. В деревне они почитались «хранителями старозаветных преданий».

Пора и об душе дать старику подумать». Решив таким образом, Абрам пошел к священнику и принял от него благословение в путь за сбором с доброхотных дателей на украшение местной убогой церкви. Сбирал он, ходя по святой Руси, три года, и только месяца за два до того, как я познакомился с ним, вернулся в свою родную деревню. Теперь он уже был вполне «благомысленным стариком», почитаемым причтом, с батюшкой во главе, выбранный миром в помощники церковного старосты и в десятские своей деревни, он мог мирно доживать свой век, являя собою перед молодым поколением деревни тот идеал мирного и трудового крестьянского жития, который осуществил он в своей жизни.

Жить мне у Абрама было хорошо, покойно. В семье его старшего сына Антона, с которым он жил по уговору вместе, по отделении младшего, была «истинно райская тишина», как выражался он. Действительно, его сын Антон и невестка Степанида были очень мирные люди, молчаливые, добродушные.

Преимуществом вставать раньше всех, со вторыми петухами, как известно, пользуются в деревнях старики, чем они обыкновенно и любят кольнуть глаза своим молодым невесткам. Но этим преимуществом редко удавалось похвастаться Абраму. Антона не приходилось ему будить. Когда еще старик начинал только кряхтеть на печи и расправлять свои старые кости, Антон большею частью уже поспевал умыться, разбудить жену. А когда показывался первый бледноватый

свет, он уже выезжал из деревни, первый размахивая вереею в околице, молился на видневшуюся вдали колокольню погоста, надевал шляпу, тихо и ласково вскрикивал на лошадь и, торопливо шагая, пропадал вместе с нею в густой мгле стоявшего над потным, болотистым лугом утреннего тумана. Когда же Абрам наконец соскакивал с печи и, почесываясь, подходил к окну, чтобы справиться о погоде, у Степаниды уже ярко горело и трещало на очаге пламя и кипел в чугуне картофель. Пока дед молился, кладя истово, «по старине», низкие поклоны, на улице раздавался пастушеский рожок, хлопанье и скрип ворот, рев сбиравшейся скотины и вскрикиванье баб, а Степанида, с нежными приговорами, выгоняла, осеняя крестным знаменiem, своих коров и телок, медленно выходивших из теплого, парного сарая на свежий утренний воздух. После молитвы деду Абраму не оставалось ничего больше, как только сердито окрикнуть черного кота, забравшегося на стол. Как и все старики, ворчливые с утра, Абрам читал коту длинную нотацию, не упустив случая ругнуть при этом Степаниду и продолжая нравоучение на дворе, обращаясь уже к хромоногому старому Волчку, только что вылезшему из своей теплой конуры и сладко потягивавшемуся навстречу старику.

Часам к семи утра старик тихонько приотворял дверь в мою половину, и если замечал, что я начинаю ворочаться, то говорил: «Не наставить ли?» – и, предварительно разбудив своего приемного внука, принимался разводить с ним само-

вар. В продолжение получаса я мог слышать, как дед обучал внука «порядку». Утренний чай мы всегда пили вместе; впрочем, по какому-то обету, Абрам пил не чай, а только кипяток². Я всегда приглашал Васю. Старик недовольно покачивал головой, говорил, что это «баловство», но в конце концов соглашался и ограничивался тем, что обучал внука «учливости».

– Сядь с глаз подальше!.. Не егози перед глазами у старшего! – приговаривал он, отхлебывая кипяток. – Не болтай ногами – беса тешишь!.. Чего сахар слюнявишь? Кусай учливей! и т. п.

Вася только бойкими взмахами своей кудрявой головы откидывал волосы со лба, и видно было, что он не особенно боялся своего названного деда. Он и сам был не прочь сделать ему выговор. Нередко, во время увлечения деда каким-нибудь рассказом, Вася вдруг конфузил его замечанием: «Утри, дедушка, бороду-то! Вишь, распустил потоки, а еще перед барином сидишь!» – и дед, молча и послушно, спешил принять к сведению замечание шестилетнего внука. Так они и вообще мирно жили, уча и наставляя друг друга, пока дело не доходило до такого явного непослушания с одной стороны, как, например, высывывания языка в ответ на самые солидные моральные истины, и до окончательного решения наломать гибких прутьев – с другой. Впрочем, тем

² Влияние раскольнических традиций. Раскольники считали чай бесовским напитком, равно как и курение табака.

пело и кончалось. Шестилетний внук, конечно, умел бегать лучше, чем шестидесятилетний дед.

На другой же день моего пребывания в деревне мы с дедом Абрамом вели за чаем такую беседу:

– Ну, что, дедушка Авраам?

– Ну-у, Авраам! Какой я Авраам, – улыбаясь, перебивал он меня. – Я не от Авраама иду... То Авраам, а то Абрамий-мученик... Так вот я откуда – от мученика!³

Тем не менее было заметно, что ему очень нравилось, когда я его звал дедушкой Авраамом.

– Что ж, доволен ты своим положением?

– Доволен, – твердо произнес старик, выпрямляясь и сановито поглаживая бороду, – не хочу грешить, прямо говорю – доволен. Слава тебе, господи! Потому я, Миколай Миколаич, что требуется от жизни, все исполнил, привел в закончание. Слабому опору оказал, тем, значит, и предел положил.

– То есть как это слабому?

– Так и есть. В чем всей нашей жизни положение состоит?

³ Возможно, имеется в виду Авраамий (в мире Афанасий) иеромонах, расколуучитель школы Аввакума и его сподвижник. За упорство в пропаганде был сожжен. Оставил сочинения «Челобитная» (царю Алексею Михайловичу на новшества Никоновы), «Послание о последнем времени, ответ Павлу Крутицкому и властям», «Щит веры» и «Об антихристовой нестрообразной прелести». Учение о том, что антихрист уже пришел в мир, впервые развил Авраамий, сочинения которого очень почитались раскольниками. *Авраам* – библейский патриарх; для героя рассказа такое название лестно, так как придает ему черты основателя крестьянского рода, хранителя вековых крестьянских традиций, деревенского патриарха.

Дедушка Абрам любил иногда порезонерствовать, вероятно, оттого, что придерживался негласно «старинки» и часто беседовал с раскольничьими начетчиками.

– В чем же? – спросил я.

– А в том и есть, чтобы слабому опору оказывать. Пораскинь-ка умом-то, ан оно так и выйдет. Сызначала, когда я, по младенчеству своему, слаб был, родители мне опору оказывали. Возрос я, родителям своим, по дряхлости ихней, подпору обязан оказать... Так ли? У самого малыши пошли, их обязан в возраст произвести, ихней слабости поддержку дать. Поставил их на ноги – ну, и предел, значит, свой положил.

– Ну, а внуки? – кивнул я на Васю.

– Внуки – уж это сверх всего, это уж не в пример прочему. Это уж смотря как, значит, привержен, – говорил он, поглаживая по голове внука, подошедшего за стаканом к столу, – это уж смотря по послушности да смиренству перед дедом, – прибавил он, улыбаясь.

– Правду ли я говорю, как по-твоему? – спросил он меня и, не дожидаясь ответа, продолжал: – И во всем так подобает: в начальстве состоишь – слабого охрани, избытком от бога награжден – слабому поддержку окажи... Вот оно, значит, какое нам в жизни произволение! В том и до конца живота твоего держись.

– И детьми твоими ты доволен?

– Детьми доволен. Дети у меня, надо правду тебе сказать,

на редкость дети! Потому я их держал в послушности, в страхе божием. Вот, примером, Антон – изойди всю волость, такого к работе приверженного не найдешь. А смиренства, тихости, так по нынешним временам и нигде не встретишь! Чтобы он кому сгрубил, кого обидел или обманул – этого никогда запомнить даже нельзя! Истинно землепашец! Земле радуется, И жену ему бог дал, не хочу грешить, бабу правильную... Тоже тихостью да смиренством перед всеми взяла; кабы родных деток им, так и совсем бы благословенное семейство было, да вот не дает бог! Как-то уж у них и в работе-то эдакого удовольствия как будто не видно. Взяли вот мальчика, хоть и близкая родня, а все же не свой... Думается им: воспитаешь его, на него всю ласку положишь, а он, в возраст придя, тебе же укоры делать станет. От своего это точно снесешь, а от чужого-то как будто и обидно.

– А второй твой сын какой?

– Платон-то Абрамыч?

– Да.

– Про Платона Абрамыча – слов нет, вот он каков, Платон-то Абрам ыч! – говорил внушительно и с расстановкой старик всегда, когда речь заходила о младшем сыне. – Платон Абрамыч – голова! Пройди по всей округе, спроси: знаешь Платона Абрамыча? – и нет того человека, чтоб его не знал.

– Умом, значит, взял?

– Рассудком! Головой взял! Он с младости уж был отме-

чен. Да как я тебе скажу: стояли у нас уланы, а Платон-то Абрамыч в те поры еще маленький был, так – с бабий наперсток. Вот эти самые уланы накупят пряников, орехов и давай кричать ребятишкам: «Кто в ноги поклонится? выходи!» Ну, ребятишки глупы, сосут кулаки-то, да смотрят, а мой Платошка сейчас – хлоп в землю, не в пример прочим, так все только диву даются – откуда такая, значит, у него ко всему применительность!.. Ну, и накидают ему уланы полон подол гостинцев... Отцы-то да матери только и кричат: «Экое счастье этому Платошке Абрамову! Дает же господь такой разум еще во младости! И в кого бы он такой выдался?» И я вот тоже не придумаю...

– Побойчее, выходит, Антона?

– Где ж Антону против него! Антон смиренен, душевный крестьянин – слова нет, только против Платона Абрамыча да и помыслить ему нельзя! Платону Абрамычу от всех почет, уважение...

– Он где же теперь живет и чем занимается?

– Занимается он, братец ты мой, по коммерческой части. Еще выюношей он к землепашеству охоты не возымел... Это уж как кому: у всякого свой талант. Вот Антон – совсем земельный человек... Он только землей да крестьянским обиходом и крепок. Отбей ты его от земли, от дома – он и совсем сгиб. Его, как и всякого крестьянина земельного, забидеть недолго. А Платон Абрамыч – тот в горожанина пошел, по матери (они ведь у меня от разных матерей; вторую-то же-

ну я из городской слободы взял). Платон Абрамыч сам себе, своим рассудком, и супругу снизыскал: верст за пятнадцать отсюда, вдову, денежную вдову... Ну, к ней в дом и вошел; дом у нее собственный, после мужа остался. Я его, Платона-то Абрамыча, по обычаю отделил, что, выходит, на его часть из нашего имущества приходилось.

– А ты часто у него бываешь?

– Часто. Я люблю к нему ездить. К родителю они с супругой почтительны, любящи. Приедешь, а они оба, ровно вперегонку, около тебя ухаживают: «Тятенька, вы бы водочки выкушали! Да ты что, тятенька, отварную-то воду одну дуешь? Помилуйте! Да мы вам церковного винца подпустим в стаканчик-то!» Так это, братец ты мой, своей услужливостью проймут, что ровно масленицу маслуешь у них! Ей-богу! Истинно обходительные люди! Конечно, по коммерческой части без этой повадки нельзя! А ввечеру народ к ним соберется, гости, господа не в редком быванье, и все это к Платону Абрамычу с уважением, ну, и к тебе, к родителю, уж кстати также, по сыну. Лестно!

– Отчего ж ты с ними не живешь? Они люди богатые, к тебе услужливые... Слаще ведь пироги-то есть, чем тюрю с квасом хлебать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.